

А.В. ИВАНОВ

A.V. IVANOV

**МЕОТЫ ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V–III ВВ. ДО Н.Э.¹**

**THE MEOTIANS OF THE EASTERN AZOV SEA AREA IN THE
SECOND HALF OF THE V-III CENTURIES BC**

Эта территория, которая в литературе часто именуется как Восточное Приазовье, или просто Приазовье, представляет собой ярко выраженную ландшафтную зону. Её южная часть входит в Большую пойму Кубани и представляет собой сплошную полосу болотистых плавней, севернее которых расположены сухие степи, высокими обрывами выходящие к Азовскому морю [Шевченко, 2013, с. 405, рис. 1].

Данная довольно обширная зона была освоена меотами с той разницей, что с южной ее частью связаны памятники IV–III вв. до н.э., а с северной – крупная группировка городищ римского времени на реке Кирпили [Шевченко, 2013]. Одно время считалось, что две эти группы бытовали одновременно и, возможно, были тесно связаны. Однако раскопки, проведенные на кирпильском кластере, подобные предположения опровергли, доказав, что группы имеют не только различную хронологию, но и иной характер и структуру. Исходя из этого, Н.Ф. Шевченко считает, что они были основаны разными племенами, и более того ставит под сомнение их культурное родство [Шевченко, 2013а, с. 405]. И если в первой части тезиса противоречий нет, то со второй его частью тяжело согласиться. Кирпильская группа, как и группа приазовская, имеет все признаки Меотской археологической культуры, и говорить о разных культурах на данный момент оснований нет. Различия, на которые обратил внимание исследователь, вызваны скорее хронологическим разрывом между группировками, нежели культурными расхождениями.

Наибольший интерес, исходя из хронологических рамок данной работы, представляют памятники IV–III вв. до н.э. (рис. 1). Они территориально сосредоточены в границах современных Красноармейского и Славянского районов Краснодарского края. Географически местность эта составляет восточную часть Приазовской низменности. Основное количество памятников сосредоточено в междуречье Протоки – одного из рукавов Кубани и Ангелинского ерика. Западнее Протоки, на стыке материка и сплошных плавней, меотских памятников практически нет. В целом, это довольно обширная территория, на севере она начинается от плавней Кирпильского лимана, на востоке проходит по Ангелинскому ерику до Кубани [Каменецкий, 2000, с. 77]. Конечно,

¹ Работа выполнена в ИВИ РАН по проекту РНФ № 18-18-00237 «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ».

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья...

надо понимать, что обозначенная восточная граница весьма условна. Меотские памятники данного региона имеют слабые отличия от памятников, расположенных восточнее обозначенной линии, то есть от Елизаветинско-Краснодарской группы. Подобная близость позволила И.Н. Анфимову включить в эту группу поселения у ст. Ивановской и ст. Марьянской [Анфимов И., 1987, с. 27]. Следуя этой логике, сюда можно было бы включить открытые и частично исследованные не так давно Прикубанский могильник, Чернолесский могильник, а также поселение и могильник у ст. Марьянской [Марченко, Лимберис, Бочковой, 2001; Кононов, 2014], что после детального их анализа вполне возможно². Впрочем, как заметил И.С. Каменецкий, по отношению к Марьянскому поселению их территориальное положение делает спорным отнесение к рассматриваемой группе [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42]. Это замечание как нельзя точно подчеркивает не только различное видение исследователями ситуации в этом регионе, оно поднимает более глубокую проблему, которая связана с выделением и оформлением локальных групп меотской культуры и определением границ между ними.

Основная проблема, с которой связан регион нижней правобережной Кубани, – сложность с обнаружением памятников. Как отмечал И.С. Каменецкий, малое количество выявленных объектов, вероятно, связано с погребением их во время какого-то очень сильного разлива Кубани, приводя в пример обнаруженную меотскую керамику под наносными слоями на глубине 1–1,5 м [Каменецкий, 2011, с. 204]. Подобные явления наблюдаются во многих землях, прилегающих к большой пойме реки Кубань. В Славянском и Абинском районах края неоднократно фиксировалось перекрытие поселений античного времени наносами ила и светлыми осадочными породами мощностью до 1 м.

В дополнение к этому необходимо отметить, что на описываемой территории в 50–80 гг. XX в. была сооружена мелиоративная система, а также система рисовых чеков, что в значительной степени перекроило древний ландшафт, нарушив в том числе и естественную водную сеть. Системами этими, несомненно, какая-то часть памятников была стерта либо разрушена настолько, что воссоздать их морфологический и хронологический облик вряд ли удастся.

Сведения о меотских памятниках данного региона мы получаем из довольно немногочисленных источников. В основном это разведки, отдельные наблюдения и случайные находки. Крупные раскопки, кроме, наверное, могильника Лебеди и ряда курганов, в этой плавневой зоне никогда не проводились по большей части ввиду перечисленных выше причин. Это обстоятельство дало повод И.С. Каменецкому при характеристике Приазовской группы говорить о том, что археологического материала на описываемой территории явно не достаточно для суждения о группировке

² Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко считают, что Прикубанский и, возможно, Чернолесский могильники по погребальному обряду и другим элементам сходны с захоронениями х. Водный и могильником Лебеди III [Лимберис, Марченко, 2016, с. 250].

[Каменецкий, 2011, с. 204]. Я вынужден не согласиться с этим мнением хотя бы даже по той причине, что исследователем было перечислено с десяток известных на тот момент памятников. Да, этого не много, и все же вполне достаточно для характеристики населения данного региона.

На обозначенной территории известны и поселения, и могильники. Поскольку территория заболочена и на многих ее участках представляет собой плавни, для поселений выбирались небольшие возвышенности, всхолмления, более высокие по отношению к прилегающей территории места. Могильники, как и другие занятые меотами территории, располагались рядом или по периметру поселений. Но здесь нужно оговориться: на учтенных поселениях местоположение могильников неизвестно – это, к сожалению, здесь распространенная практика. В свою очередь, и для известных могильников поселения, к которым они принадлежали, выявлены не были. Сами поселения, как правило, занимали мысовые части коренного берега и, возможно, были размыты реками. Подобная ситуация наблюдается во многих районах края. В частности, следует напомнить, что само поселение, с которым можно было бы связать Прикубанский могильник, так и не было обнаружено, и судя по всему, по той же причине [Лимберис, Марченко, 2016, с. 250].

На данный момент в нижнем течении реки Кубань, на ее правом берегу, на территории Красноармейского и Славянского районов края, известно семь меотских поселений IV–III вв. до н.э. Они расположены у ст-цы Красноармейской (современное название ст-ца Полтавская), хут. Беликов, в ст-це Старонижестеблиевской, в городе Славянске-на-Кубани, у ст-цы Ивановской и у хут. Свистельников.

Краткая характеристика этой категории памятников сводится к следующему. Все поселения однотипны с простейшей структурой. Они представляют собой неукрепленные селища, чаще тяготеющие к водным источникам. Иногда поселения довольно хорошо прослеживаются на окружающей поверхности и выделяются несколькими холмообразными возвышенностями, сложенными из культурного слоя. Большинство из них разрушено либо серьезно повреждено при строительстве рисовых чеков и каналов.

Культурный слой поселений не отличается выразительностью. Как и на большинстве поселений меотов Западной Кубани, он нестратифицированный, однородный, без архитектурных остатков, мощность его редко превышает 1 м. Между тем, слои поселений в значительной степени насыщены как фрагментами местных сосудов, так и античной керамикой, включая чернолаковую посуду и обильный, разнообразный амфорный материал [Шевченко, 2013а, с. 406].

Полноценному исследованию подверглось лишь одно поселение. В 1986 году экспедицией Краснодарского музея под руководством И.Н. Анфимова была раскопана сохранившаяся часть поселения, расположенного у ст-цы Старонижестеблиевской [Анфимов И., 1987а, 27; 1988, с. 107]. Само поселение представляло собой два небольших в плане холма высотой до 0,5 м от уровня прилегающей дневной

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья...

поверхности, состоящих полностью из культурного слоя. Вскрытая площадь в 300 м² оказалась вполне достаточной для выводов о памятнике в целом.

Поселение однослойное, мощность культурного слоя до 1,2 м, он слабо насыщен, без архитектурных остатков. Основным материалом, встреченным в культурном напластовании поселения, являются фрагменты керамики, кости животных, среди которых лошадь, корова, овца, свинья, были встречены и кости рыб. Местная керамика представлена фрагментами кружальной, сероглиняной и лепной кухонной посуды. Из импортной керамики преобладают фрагменты амфор, столовая посуда, среди которой фрагменты чернолаковых сосудов, кувшинов, мисок и лутериев. Из бытовых предметов отметим находку керамического пряслица, также были встречены и ткацкие грузики.

Первоначально И.Н. Анфимов датировал поселение широко, в пределах IV–III вв. до н.э. [Анфимов И., 1987б, с. 27], однако в работе, вышедшей годом позже, исследователь несколько сузил дату, предложив хронологическую позицию в рамках второй половины IV – начала III вв. до н.э. [Анфимов И., 1988, с. 107]. Недавно В.В. Улитиным и И.Н. Анфимовым с учетом современного состояния хронологии и с применением новейших классификаций были уточнены датировки клейм, найденных на поселении (рис. 2). По мнению исследователей, они позволяют уверенно говорить о существовании селища у ст-цы Старонижестеблиевской с начала IV в. до н.э. и, вероятно, до последней четверти IV – начала III вв. до н.э. [Улитин, Анфимов, 2015, с. 287].

На остальных поселениях раскопки не проводились, их хронология и культурная атрибуция определялись на основании подъемного материала, собранного в результате визуальных разведок. Все они с той или иной степенью уверенности датируются IV–III вв. до н.э. [Анфимов И., 1987б, с. 27; Каменецкий, 1989, с. 233; Шевченко, 2013а, с. 406]. Это основной хронологический диапазон поселений. Более ранний материал был встречен лишь на поселении у хут. Беликов и маркирован фрагментами пухлогорлых амфор Хиоса второй половины V в. до н.э. [Анфимов, 1981, с. 135]. На поселении у ст-цы Красноармейской (Полтавской) зафиксированы более 30 клейменных ручек амфор Синопы и Родоса, датируемых III–II вв. до н.э. [Анфимов, 1985, с. 60; Шевченко, 2013а, с. 406]. Схожий материал, в частности фрагменты родосских амфор III–II вв. до н.э., дает поселение Свистельниково, расположенное у одноименного хутора [Каменецкий, 2001, с. 5].

Опираясь на эти сведения, Н.Ф. Шевченко предположил, что временем бытования этих поселений является вторая половина V в. до н.э. – начало II в. до н.э., заметив, что во II в. до н.э. постоянного меотского населения в степной части Большой поймы Кубани и в Приазовье в целом нет [Шевченко, 2013а, с. 406–407]. Основной же массив известных на данный момент памятников на основании перечисленных данных приходится на IV–III вв. до н.э.

Из других, безусловно, значимых для нашей темы находок, связанных с этой территорией, отметим клады боспорских монет, скрытые рядом с поселениями

либо на их территории. В общей сложности в настоящее время известно о шести крупных кладках. Один из первых кладов был обнаружен в 1941 г. близ ст-цы Старонижестеблиевской и включал в себя 55 монет типа «голова сатира – голова льва, осетр, ПАН» с надчеканками в виде звезды и горита [Анфимов, 1949, с. 64–66]. В 1972 году у хут. Беликов Славянского района при проведении магистрального канала на территории поселения был найден крупный клад пантикапейской меди [Анфимов, 1981, с. 132–136]. В 1985 году на юго-восточной окраине г. Славянскана-Кубани при рытье котлована был найден клад медных пантикапейских монет: 49 монет типа «голова сатира – голова льва, осетр, ПАН» с надчеканками в виде звезды и горита и одна монета типа «голова сатира – протома грифона» [Анфимов, 1988, с. 138–145]. В 1986 году при работах на строительстве рисовой системы в 3 км к западу от ст-цы Старонижестеблиевской был обнаружен невероятно крупный для этих мест клад из 1213 боспорских медных монет (весом 8 кг), сложенных в сероглиняный меотский кувшин [Анфимов И., 1991, с. 70]. Среди монет – 1209 экземпляров типа «голова сатира – голова льва, осетр, ПАН» с надчеканками в виде звезды и горита, «голова сатира влево – лук и стрела, ПАН» и 4 монеты типа «голова сатира – голова быка в $\frac{3}{4}$ оборота, ПАН» [Абромзон, Фролова, Горлов, 2000, с. 314–331; 2002, с. 38–71]. И.Н. Анфимов сообщает о еще двух кладках, найденных случайно при проведении земляных работ в разное время – у пос. Кубрисострой, западнее ст-цы Ивановской (4 монеты хранятся в Краснодарском музее), и в ст-це Староджерилиевской (имеются сведения об 11 монетах) [Анфимов И., 1991, с. 75; Анфимов, 1988, с. 139].

Все кладки были скрыты в довольно короткий период – в конце IV – начале III вв. до н.э. Так, самым ранним из названных комплексов можно считать монетный клад последней четверти IV в. до н.э., происходящий из поселения у хут. Беликов [Анфимов, 1981, с. 132–136]. Старонижестеблиевские кладки 1941, 1986 и 1985 годов из г. Славянскана-Кубани, а также клад близ пос. Кубрисострой относятся к началу III в. до н.э. [Абромзон, Фролова, Куликов, 2002, с. 73–87]. Об этом уверенно свидетельствует наличие в них надчеканенных кризисных монет, причем в значительном количестве.

Теперь о могильниках. На данный момент их известно четыре.

В 1949 году Н.В. Анфимовым были проведены обследования Казачьего ерика (нынче Полтавский ерик) в районе хут. Зеленского [Анфимов, 1951, с. 2–9; 1952, с. 72]. Непосредственным поводом этого обследования послужило сообщение об обнаружении здесь четырех греческих амфор. В результате работ был выявлен меотский могильник, доследовано одно погребение, а также были собраны и переданы в Краснодарский музей уже упомянутые амфоры. Не менее важными оказались и сведения местных жителей, которые неоднократно при земляных работах наталкивались на захоронения. Так, по словам рабочих колхоза, погребения сопровождалась различными предметами: разнообразными сосудами, оружием, различными украшениями, бусами; черепа костяков, как правило, находились в

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья...

мисках [Анфимов, 1951, с. 3]. Картографирование мест находок указывает на то, что могильник занимает весьма внушительную площадь (рис. 3,1) и тянется вдоль изгиба ерика более чем на 1 км, что сопоставимо с протяженностью крупнейших меотских некрополей.

Захоронение же, которое было доследовано (рис. 3,2), было обнаружено случайно при обследовании котлована печи кирпичного завода. Погребение воинское, косяк лежал вытянуто на спине головой на ВЮВ. В головах находилась фрагментированная амфора, голова лежала в миске, от которой сохранились лишь фрагменты; копья, подток, нож и стрелы располагались слева, в ногах находились два кувшинчика, две вазочки, крупный лепной горшок, курильница и череп коровы. Справа от погребенного – челюсть свиньи и ребра коровы [Анфимов, 1951, с. 3–5]. Дату комплекса определяет амфора дорийского центра³ второй морфологической группы, которая относится к середине – третьей четверти IV в. до н.э. [Монахов, Кузнецова, 2009, с. 159-160]. Этим же временем датируются две самосские амфоры рыжановского варианта III-A [Монахов, 2003, с. 28-29], переданные Н.В. Анфимову местными жителями [Анфимов, 1951, таб. IV, рис. 1–3; 1952, рис. 19, 1–3]. Две других амфоры относятся к продукции Книда. Одна из амфор (рис. 3,3) сопоставима с продукцией ранней серии пифоидного варианта (II-B-1) и датируется широко – последней третью IV в. – началом III в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 106, таб. 74,3]. Вторая – принадлежит афинскому варианту II-F [Монахов, 1999, с. 540]. Эти амфоры датируются серединой III в. до н.э. [Монахов, 2003, с. 109, Улитин, 2006, с. 164-165] с небольшим заходом во вторую половину столетия⁴.

Н.В. Анфимов датировал могильник концом IV – началом III вв. до н.э. [Анфимов, 1952, с. 74]. Теперь же амфорный материал вполне позволяет несколько расширить хронологические рамки могильника у хут. Зеленского и датировать его как минимум от середины IV в. до н.э. до середины III в. до н.э. Конечно, надо понимать, что ввиду ограниченности материалов это далеко не конечная датировка памятника.

В 12 км севернее хут. Зеленского, как сообщает Н.В. Анфимов, при строительстве Полтавского элеватора на юго-западной окраине ст-цы Красноармейской, на левом берегу все того же Казачьего ерика, рабочими был обнаружен еще один меотский некрополь, который в литературе известен как Красноармейский могильник

³ Амфора, как сказано в отчете, была сильно разрушена котлованом, от нее сохранилась лишь нижняя часть. В дальнейшем амфора не реставрировалась. В отчете она представлена рисунком ножки (рис. 3, 2). В описании указаны темно-красный цвет глины, примерная форма сосуда, а также то, что ножка эта аналогична ножкам амфор из кургана Карагадегуашх [Анфимов, 1951, с. 6, таб. V, рис. 4]. Это, как и цвет теста, очень важное замечание. Сейчас мы знаем, что в кургане Карагадегуашх были найдены именно амфоры неустановленного дорийского центра [Монахов, Кузнецова, 2009, с. 159], которые на данный момент довольно надежно соотносятся с амфорами Икоса [Монахов, Федосеев, 2013, с. 554–561].

⁴ Сам тип амфоры назван по первой находке в одной из цистерн в Афинах (№ 12:4). Она традиционно датируется 40-ми годами III в. до н.э. [Монахов, 1999, с. 538, таб. 226; 2003, с. 109].

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

[Анфимов, 1951, с. 8-9; 1952, с. 74-75, Каменецкий, 1989, с. 233]. Исследования его не проводились, однако, по сведениям строителей, в обнаруженных нескольких погребениях были встречены амфоры, местная сероглиняная керамика. Черепа покойных всегда лежали в мисках. Н.В. Анфимов, видимо, был знаком с материалом, так как не только узко его датировал второй половиной IV–III вв. до н.э., но и отождествил его хронологически, обрядово и территориально с могильником у хут. Зеленского [Анфимов, 1952, с. 75].

Более полную картину дают материалы комплексов, открытых у хут. Водный. Здесь в 1978 году экспедицией под руководством О.П. Куликовой было исследовано несколько курганов [Куликова, 1978]. При раскопках одного из них (курган № 2) по периметру насыпи были обнаружены меотские захоронения (рис. 4,1). Сам курган ввиду высоких подпочвенных вод не был исследован до конца, и потому осталось неясным, впускались ли погребения непосредственно в курганную насыпь либо принадлежали грунтовому могильнику, расположенному в межкурганном пространстве. Отсутствие в центральной части насыпи меотских комплексов, вероятно, говорит в пользу второго.

Исследовано четырнадцать погребений (рис. 4,2; 5,1,2), все они совершены по одному обряду: судя по расположению предметов, совершались в подпрямоугольной яме, положение покойного – вытянуто на спине, руки вдоль тела, ноги ровно. Ориентировка неустойчивая: большинство покойных лежали головой на юго-восток, один на юг и по два на северо-запад и северо-восток. У большей части покойных головы лежали в мисках. Также стоит отметить один объект, где перевернутой вверх дном миской был накрыт фрагмент человеческого черепа.

Четыре погребения являлись воинскими, одно всадническое. Вооружение представлено меотскими мечами без перекрестия и с брусковидным навершием (в одном из погребений находилось сразу два меча), наконечниками копий, стрел, боевыми топорами. Последние – очень интересная деталь, встречаются в меотских некрополях крайне редко. Поэтому находка значительного количества топоров в рамках одного памятника делают могильник у хут. Водный в какой то степени уникальным.

Стоит отметить, что положение вооружения на площади погребения неустойчивое, мечи и копья располагались как слева, так и справа от погребенных. Мечи помещались вдоль тела либо вдоль ног, копья располагались у черепа (2–5 экз.). В одном случае (погребение № 1) отмечено положение наконечников копий в ногах, “зеркально” основному набору. Аналогичное помещение копий в ногах известно лишь на могильниках в Закубанье, таких как Фурожан, и в некрополе поселения Виноградный 1. Более-менее устойчивое расположение наблюдается только у топоров – они всегда фиксировались в ногах погребенных.

Керамика располагалась как в головах погребенных, так и в ногах, амфоры – в головах и вдоль тела погребенных. Набор посуды, в целом типичный для меотских некрополей, состоял из различных кружальных кувшинов, мисок, лепных горшков, в одном комплексе зафиксирована вазочка. Кружальная керамика большей частью

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья...

сероглиняная местного производства, один импортный шаровидный кувшин имел черепок красного цвета. Также в погребениях были встречены два боспорских лутерия, которые, видимо, выполняли функцию мисок и в комплексах располагались под головами покойных. Интересное расположение лепных курильниц – в головах, причем в одной из них находились гальки, а вторая имела ручки-выступы и горизонтальные налепы-валики по тулову. Этот сосуд относится к типу I подтипу IA, вариант 1б, по типологии Лимберис-Марченко, и датируется в диапазоне от второй четверти IV в. до н.э. до начала III в. до н.э. [Лимберис, Марченко, 2006, с. 135, рис. 2,2]. Из других находок, встреченных в погребениях, отметим гешировые бусы и крупный железный серп с костяной ручкой, прикрепленной к полотну четырьмя заклепками.

Части жертвенного животного, в основном коровы и овцы, располагались в ногах погребенного. В погребении № 1, слева от костяка человека, лежали и скелеты лошади и овцы, в погребении № 8, справа от человека, лежала обезглавленная корова. Отметим также захоронение коня, одинокой амфоры и упомянутой миски, перевернутой вверх дном. Эти объекты по аналогии с подобной практикой на других могильниках следует расценивать как ритуально-поминальные комплексы.

Некрополь у хут. Водный относится к IV – началу III вв. до н.э. Датировочным материалом этого могильника выступают амфоры, найденные в количестве семи⁵. Выделяется амфора с грибовидным венцом, продукция Книда, Коса и Синопы.

И, наконец, один из самых известных и наиболее полно исследованных меотских могильников Восточного Приазовья – могильник Лебеди III. Широкомасштабные работы на нем проводились в течение нескольких сезонов в 1979–1981 гг. Северо-Кавказской экспедицией ИА АН СССР под руководством И.С. Каменецкого и А.Н. Гей. Некоторые результаты этих раскопок с подробной характеристикой некрополя были отражены, к сожалению, всего в одной сводной статье, посвященной деятельности экспедиции [Гей, Каменецкий, 1986, с. 36–51]. Это обстоятельство освобождает меня от подробного статистического описания могильника и позволяет сосредоточить внимание на его общих чертах и особенностях.

Итак, могильник находится около хут. Лебеди Калининского района, на реке Понура, располагается в низкой, заболоченной равнине, практически на краю большой Кубанской дельты. Как было отмечено И.С. Каменецким, до активных мелиоративных работ сам могильник находился на мысу, образованном руслом Понуры [Каменецкий, 2009, с. 161]. Внешний вид могильника – небольшие, кучно расположенные всхолмления [Каменецкий, 2009, с. 161]. Траншейными разведками и другими наблюдениями были установлены приблизительные границы некропо-

⁵ Ревизия материалов этого памятника, проведенная в археологических запасах Краснодарского музея, закончилась безрезультатно. Коллекция предметов, кроме вещей из комплекса сарматского времени, принятых в золотую кладовую, отсутствует полностью. Остается констатировать, что в этих обстоятельствах оперировать приходилось лишь отчетом, рисунки вещей в котором далеки от идеала, а изображение амфор, причем в отсутствие их фотографий после реставрации, с большим трудом сопоставимы с известными типами.

ля – 43,5 га, а подсчеты общего количества погребенных, исходя из этой площади, привели И.С. Каменецкого к весьма внушительным цифрам: 17000–29000 [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42]. Но это теоретические предположения, на практике же за три сезона при раскопках широкими площадями (около 11000 м²) было обнаружено 430 погребений⁶.

Основные черты погребального обряда выглядят следующим образом. Погребальные ямы в основном не прослеживаются, но по предположению авторов раскопок, они были длинные и узкие (подпрямоугольные). Кроме одного скорченного, все погребенные положены вытянуто на спине, руки вдоль тела, ноги ровно, но встречались и перекрещенные в голенях. Ориентировка широтная, примерно в равной степени преобладают СВВ и ЮЗЗ ориентировки. Небольшой процент занимает южная ориентировка. Возможна родовая зональность – выделяются небольшие локальные группы погребений с одинаковой ориентировкой и близкими чертами погребального обряда. Широко практиковалось помещение в могилу туши жертвенного животного, но чаще клались голова и ноги. Они располагались в ногах покойного. Набор инвентаря характерен и типичен для меотских могильников западных областей Кубани, причем исследователями был подмечен определенный стандарт: обязательны амфора, кувшинчик, вазочка и лепной горшок, личные украшения и оружие. Качество и число этих компонентов определяло богатство комплекса [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42-43]. Распространённая деталь обряда – миска, положенная под голову покойного, и помещение в могилу речной гальки и мела. Нередко воинские комплексы сопровождалась лошадьми, часть из которых была взнуздана.

Импортная столовая керамика представлена мортарами, лутериями (12 экз.) и чернолаковой посудой (39 экз.), из которой наиболее многочисленны сосуды для питья – килики, канфары и скифосы, также встречены разнообразные солонки. Некоторым экземплярам лаковой посуды (рис. 6), найденной на могильнике Лебеди III, посвящена отдельная статья [Лимберис, Марченко, 2016а, с. 160–170]. Амфоры (143 экз.) были импортированы из таких центров, как Синопа, Гераклея, Фасос, Хиос и т.д. На основании этой категории инвентаря авторы предложили датировать могильник временем от второй четверти до конца IV в. до н.э. [Гей, Каменецкий, 1986, с. 42]. В одной из своих более поздних работ И.С. Каменецкий обозначил то, что могильник имеет узкую дату: по чернолаковой керамике он датировал некрополь в пределах 375–300 гг. до н.э., одновременно отмечая то, что, рассмотрев часть амфорного материала, В.В. Улитин счел возможным говорить о первой четверти IV в. до н.э., исключив как V, так и III вв. до н.э. [Каменецкий, 2009, с. 163]. Таким образом, могильник Лебеди III функционировал на протяжении всего IV в. до н.э., что в целом с опорой на общую схему погребального обряда и перечисленный инвентарь, видимо, отражает реальность.

⁶ В указанной статье дана информация только о 191 исследованном погребении.

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья...

Помимо всхолмлений на грунтовом могильнике, на некрополе находилось несколько курганообразных возвышенностей, которые располагались на конце мыса. Одна из них была исследована. В теле возвышенности было исследовано 11 погребений, среди которых особенно выделяется крупный погребальный комплекс, сооруженный, по мнению автора раскопок, для знатного человека [Каменецкий, 2009, с. 162]. Погребение было совершено на площади размерами 5 x 4 м на небольшой глубине, без перекрытия, и потому И.С. Каменецкий предположил, что захоронение было осуществлено на дневной поверхности и затем засыпано. В этом, безусловно, богатом погребении были захоронены воин, его жена или наложница, слуга, восемь взнузданных лошадей и разнообразный инвентарь, куда, помимо бытового скарба, входили различные элементы вооружения, в частности пять мечей, фрагменты бронзового шлема и железного панциря, многочисленные украшения из благородных металлов, в том числе золотой браслет, гривна в полтора оборота, фрагменты золотой диадемы с изображением грифонов, а также набор бронзовой посуды [Каменецкий, 2009, с. 162]. Комплекс синхронен могильнику.

К общему перечню памятников этого региона необходимо добавить сведения еще о двух известных по архивам Управления охраны памятников Краснодарского края, но практически не обследованных объектах в Славянском районе, – это поселение, расположенное к северу от пос. Прикубанский, и грунтовой могильник Целинный, расположенный у одноименного поселка. Эти памятники по подъемному материалу датируются широко, в пределах IV–III вв. до н.э.

Таким образом, первые меотские поселенцы проникают на территорию правобережья нижней Кубани во второй половине V в. до н.э. Это вполне согласуется с импульсом, направленным на освоение меотскими племенами западных земель уже в раннемеотское время [Иванов, 2016а, с. 263]. Идентичность многих черт и элементов погребального обряда могильников Восточного Приазовья с меотскими некрополями IV в. до н.э. Марьянско-Елизаветинской группы, должно быть, указывает направление, откуда население перетекало. В IV в. до н.э. процесс расселения активизируется, возникает основная часть памятников. Причины, которые скрываются за этой активизацией, видимо, проистекают из той же логики освоения новых, не занятых земель, пригодных для производства товарного хлеба – основного экспортного продукта в торговле с Боспором. Расположенные здесь водные артерии, такие как Кубань и Протока, должны были всячески способствовать товарообороту.

Интересной и во многом определяющей для понимания ситуации в описываемом районе стала совсем недавняя находка вблизи Ханькова. Хутор расположен к западу от города Славянск-на-Кубани. Экспедицией под руководством Н.Ф. Шевченко⁷ недалеко от реки Кубань широкой площадью исследовано ничем не примечательное с

⁷ Благодарю Николая Федоровича за любезное позволение ознакомиться с материалами раскопок и за возможность упомянуть результаты его работ в этой статье.

виду поселение Восточноханьковское 1. В результате проведенных работ была открыта мощная оборонительная система, окружавшая поселение, а её основу составляли сырцовые стены. Сам по себе этот факт уже дает основание предполагать, что поселение отнюдь не варварское. Закрепляет данное положение и археологический материал. Его состав типичен для памятников Азиатского Боспора. Предварительно керамический комплекс памятника можно датировать в рамках V–IV вв. до н.э., но, скорее всего, хронология в дальнейшем может быть несколько скорректирована. Наверно, преждевременно до публикации итогов исследования делать какие-то далеко идущие выводы. Тем не менее, значение данного объекта слишком велико. Подобных памятников в Восточном Приазовье пока известно не было. Основание хорошо укрепленного греческого поселения, расположенного у русла реки, в относительной близости к варварам, можно рассматривать в нескольких аспектах. Однако представляются в равной степени возможными и наиболее приемлемыми лишь два из них – военная крепость либо фактория. Не исключен и вариант, объединяющий эти две функции в одном поселении. Между предположениями о характере памятника в целом очевидным остается одно – присутствие греков на этих землях. Тем важнее существование поселения в IV в. до н.э., когда помимо широкой контактной зоны в регионе формировалась во многом условная, но все же граница, между меотами и Боспором. Видимо, поселение у хут. Ханьков можно рассматривать в одном ряду с таким памятником, как Краснобатареиное городище, и видеть в нем один из форпостов Боспора в Прикубанье, что существенно корректирует наше представление о расстановке сил в Прикубанье.

Возвращаясь к памятникам меотов, следует обратить особое внимание на еще несколько деталей. Во-первых, все без исключения поселения этого региона были незащищенными и не имели даже простейшей фортификации. Их структура и размеры однозначно свидетельствуют о сельскохозяйственной направленности и поселковом характере, весьма далеком от крупных поселенческих образований нижней и средней Кубани, которые в IV в. до н.э. в массовом порядке обносятся рвами и валами, превращаясь в хорошо укрепленные городища. Складывается впечатление, что меотское население этого региона не ощущало какой-либо угрозы и потому не расходовало ресурсы на возведение обороны. С другой стороны, вполне возможно, при агрессии меоты перемещались в малопроезжимые плавни и там пережидали опасность. Не стоит забывать и о том, что на относительное спокойствие территории могла сказываться близость Боспора, заинтересованного в непрерывном поступлении товарного хлеба. По мнению Н.Ф. Шевченко, появление и последующее существование меотских поселений в Восточном Приазовье были связаны с политикой Боспора, если не определялись ею [Шевченко, 2013а, с. 407]. Более того, существует уже устоявшаяся в научном мире позиция, согласно которой граница государства проходила по линии Старонижестеблиевская–Крымск–Раевская [Аптекарев, 1987, с. 29–30; 1989, с. 63–65], и в таком случае какая-то часть этой территории, включая и население, фактически находилась в юрисдикции Боспора [Аптекарев, 1987, с. 30].

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья...

Выводы эти строятся на основании монетных кладов, о которых было сказано выше. Я не сторонник этой теории⁸ [Иванов, 2011, с. 280] и считаю сокрытие кладов в среде меотов не столько следствием подчинения данной территории Боспором, сколько отражением активной торговли и развития товарно-денежных отношений в регионе. Но если взглянуть на проблему в другом аспекте и сосредоточиться на хронологическом диапазоне сокрытия кладов, можно заметить, что этот период весьма непродолжительный и ограничен временными рамками конца IV в. – начала III в. до н.э. Скорее, монетные клады отражают нестабильную ситуацию, связанную с перипетиями в царском доме Боспора в 309/310 гг. и началом проникновения на Кубань сарматов. Впрочем, отмечу дискуссионный характер этого вопроса.

Жизнь на меотских памятниках в Восточном Приазовье продолжается на протяжении всего кризисного III в. до н.э. Однако со временем территория эта пустеет и к началу II в. до н.э. подавляющее большинство памятников прекращают функционировать. Конечно, версия о ведущей роли сарматов в вытеснении меотского населения со степных пространств во II в. до н.э. не только наиболее вероятна, но и, пожалуй, исходя из уровня нашего знания об истории региона этого времени, преимущественно предпочтительна. Экспансия кочевников хорошо прослеживается в археологическом материале, происходящем сразу из нескольких курганных могильников, исследованных на р. Понуре и Ангелинском ерике [Шевченко, 2013, с. 48].

Следующий этап, демонстрирующий смену эпох в меотской истории Приазовья, начинается с появлением городищ на р. Кирпили. Но эта часть истории меотов Кубани уже выходит за рамки нашего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Второй клад медных пантикапейских монет III в. до н.э. из станицы Старонижнеблеивской // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. М.; Магнитогорск. 2000.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В.* Клады античных монет на Юге России [по материалам Краснодарского края]. М. 2002.
- Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Куликов А.В.* Клад пантикапейских медных монет III в. до н.э. из Мирмекия [2002 г.] // РА. 1. М. 2008.
- Анфимов И.Н.* 1987а. Меотские поселения правобережья нижнего течения р. Кубань // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье – Приазовье [тезисы докладов к семинару]. Новочеркасск.
- Анфимов И.Н.* 1987б. Отчет о раскопках меотского поселения близ станицы Старонижнеблеивской Красноармейского района [Краснодарский край] в 1986 г. по открытому листу № 667 // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 11947.
- Анфимов И.Н.* Раскопки близ станицы Старонижнеблеивская // АО 1986 года. М. 1988.
- Анфимов И.Н.* Клад пантикапейских монет начала III в. до н.э. из Восточного Приазовья [станция Старонижнеблеивская] //ВДИ. № 1. 1991.

⁸ Как бы ни было замкнуто денежное обращение внутри государства, в любом случае исключать проникновение монет в контактные зоны невозможно. Я считаю, что какая-то часть торговли между боспорянами и меотами на этих землях вполне могла быть монетизированной.

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

- Анфимов Н.В.* Клад пантикапейских монет из станицы Старонижнестеблиевской // КСИИМК. № XXIV. 1949.
- Анфимов Н.В.* Отчет об археологических разведках на Кубани, проведенных Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. Архив ИА РАН Арх. Ком. 485. 1951.
- Анфимов Н.В.* Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // КСИИМК. Вып. XLVI. 1952.
- Анфимов Н.В.* Клад пантикапейских монет IV в. до н.э. из Восточного Приазовья // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе. 1981.
- Анфимов Н.В.* Клад пантикапейских монет из г. Славянска-на-Кубани // СА. № 4. 1988.
- Артекарев А.З.* К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй пол. IV – пер. пол. III вв. до н.э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье-Приазовье. Новочеркасск. 1987.
- Артекарев А.З.* К вопросу о восточной границе Боспорского царства во второй половине IV – первой половине III вв. до н.э. // Первая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 1989.
- Берлизов Н.Е.* О периодизации меотской культуры Прикубанья // Региональные исследования по отечественной истории и культуре. Краснодар. 1999.
- Гей А.Н., Каменецкий И.С.* Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИИМК. Вып. 188. М. 1986.
- Иванов А.В.* О восточной границе Боспорского царства // Боспорский феномен: население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. 2011.
- Иванов А.В.* О времени основания и культурной атрибуции Краснобатареиного городища // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь. 2016.
- Иванов А.В.* 2016а. Племена региона Анапы-Новороссийска и меоты. Сопоставление // Древности Боспора. Том. 20. М.
- Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М. [Археология СССР: в 20 т.]. 1989.
- Каменецкий И.С.* Археологические памятники меотов Кубани. Краснодар. 2000.
- Каменецкий И.С.* У границ Азиатского Боспора // МИАК. Вып. 1. Краснодар. 2001.
- Каменецкий И.С.* Главное погребение могильника Лебеди III // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар. 2009.
- Каменецкий И.С.* История изучения меотов. Москва. 2011.
- Куликова О.П.* Отчет о раскопках двух курганов у пос. Водный на землях рисосовхоза «Красноармейский» Красноармейского района Краснодарского края в 1978 году. Архив ИА РАН. Р-1. № 7254. 1978.
- Кононов В.Ю.* Марьянское 1 – новый памятник меотской археологической культуры в Прикубанье [предварительное сообщение] // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы научной конференции. Москва. 2014.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Типология и хронология курильниц из меотских могильников Прикубанья // МИАК. Вып. 6. Краснодар. 2006.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Меотские всадники на восточной границе Боспора // Элита Боспора и Боспорская элитарная культура. Материалы Международного «круглого стола». СПб. 2016.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* 2016а. О некоторых типах чернолаковой керамики из меотского могильника Лебеди III // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого. М.
- Марченко И.И., Лимберис Н.Ю., Бочковой В.В.* Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар – Анапа. 2001.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII – II вв. до н.э. Саратов. 1999.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: каталог-определитель. М. Саратов. 2003.

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья...

- Монахов С.Ю., Кузнецова. Е.В.* Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время. Ростов-на-Дону. 2009.
- Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф.* Амфоры Икоса // Боспорский феномен: греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб. 2013.
- Улитин В.В., Анфимов И.Н.* Амфорные клейма из раскопок селища у станицы Старонизнестеблиевской // V Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа. Культурные взаимодействия народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Материалы международной археологической конференции. Краснодар. 2015.
- Шевченко Н.Ф.* Племена Восточного Приазовья на рубеже эр. Ростов-на-Дону. 2013.
- Шевченко Н.Ф.* 2013а. Боспор и варвары Восточного Приазовья в IV в. до н.э. – I в. н.э. // БФ. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы международной научной конференции. СПб.

REFERENCES

- Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. The Second Treasure of Panticapaeon Copper Coins, III. BC. from the village of Staroniznesteblievskaya // Problems of history, philology, culture. Issue VIII. M.; Magnitogorsk. 2000.
- Abramzon M.G., Frolova N.A., Gorlov Yu.V. Treasures of antique coins in the south of Russia (based on materials from the Krasnodar Territory). M. 2002.
- Abramzon M.G., Frolova N.A., Kulikov A.V. Treasure Panticapaeon copper coins III. BC. from Mirmekia (2002) // RA. 1M. 2008.
- Anfimov I.N. 1987a Meotian settlements on the right bank of the lower reaches of the r. Kuban // Antique civilization and the barbaric world in the Don region – Priazovye (abstracts to the seminar). Novochoerkassk.
- Anfimov I.N. 1987b. Report on the excavation of the Meotian settlement near the stanitsa of Staroniznesteblievskaya Krasnoarmeysky district (Krasnodar territory) in 1986 according to the open list No. 667 // Archives of IA RAS. F. P-1. No. 11947.
- Anfimov I.N. Excavations near the village of Staroniznesteblievskaya // JSC 1986. M. 1988.
- Anfimov I.N. Treasure of Panticapaeon coins of the beginning of the III. BC. from East Azov (Staroniznesteblievskaya village) // VDI. No. 1. 1991.
- Anfimov N.V. Treasure of Panticapaeon coins from the village of Staroniznesteblievskaya // KIIMK. No. XXIV. 1949.
- Anfimov N.V. Report on archaeological surveys in the Kuban region carried out by the Krasnodar Museum in 1949 and 1950. Archive of IA RAS Arch. Com 485. 1951.
- Anfimov N.V. New materials on the metoo-sarmatian culture of Kuban // KIIMMK. Issue XLvi. 1952.
- Anfimov N.V. A treasure of Panticapaeon coins IV. BC e. from Eastern Azov // Antique states and the barbaric world. Ordzhonikidze. 1981.
- Anfimov N.V. A hoard of Panticapaeon coins from Slavyansk-on-Kuban // SA. No. 4. 1988.
- Aptekarev A.Z. On the question of the eastern border of the Kingdom of Bosphorus in the second half. 4 – per. floor. 3 cc. BC. // Antique civilization and the barbaric world in the Don-Azov region. Novochoerkassk. 1987.
- Aptekarev A.Z. On the question of the eastern border of the Kingdom of Bosphorus in the second half of the 4th - first half of the 3rd centuries. BC. // First Kuban Archaeological Conference. Krasnodar. 1989.
- Berlizi N.E. On the periodization of the Meotian culture of Kuban // Regional studies on national history and culture. Krasnodar. 1999.
- Gay A.N., Kamenetsky I.S. North Caucasus Expedition 1979-1983 // KIIMK. Issue 188. M. 1986.
- Ivanov A.V. On the Eastern Border of the Bosphorus Kingdom // Bosphorus Phenomenon: Population, Languages, Contacts: Materials of the International Scientific Conference. SPb. 2011.

Боспорские исследования, вып. XXXVIII

- Ivanov A.V. About the time of the foundation and cultural attribution of the Krasnobatareny site of ancient settlement // XVII Bosporan Readings. Cimmerian Bosphorus and the barbaric world in the period of antiquity and the Middle Ages. Researchers and research. Kerch. 2016.
- Ivanov A.V. 2016a. Tribes of the region of Anapa-Novorossiysk and Meotians. Comparison // Antiquities of the Bosphorus. Tom. 20. M.
- Kamenetsky I.S. Meotians and other tribes of the North-Western Caucasus in the VII century. BC. – III century. ne // Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time. M. (Archeology of the USSR: 20 tons.). 1989.
- Kamenetsky I.S. Archaeological sites of the Kuban Meotians. Krasnodar. 2000.
- Kamenetsky I.S. At the borders of the Asian Bosphorus // MIAK. Issue 1. Krasnodar. 2001.
- Kamenetsky I.S. Main burial of Swans III burial ground // Fifth Kuban archaeological conference. Krasnodar. 2009.
- Kamenetsky I.S. The history of the study of the Meotians. Moscow. 2011.
- Kulikova O.P. Report on the excavation of two mounds near the village. Water in the lands of the farm «Krasnoarmeysky» Krasnoarmeysky district of Krasnodar Territory in 1978. Archive IARAS. P-1. No. 7254. 1978.
- Kononov V.Yu. Maryanskoe 1 – a new monument of the Meotian archaeological culture in Kuban (preliminary report) // EI. Krupnov and the development of the archeology of the North Caucasus. XXVIII Krupnovskie reading. Materials of a scientific conference. Moscow. 2014.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Typology and chronology of incense burners from the Kheubian Meotian burial grounds // MIAK. Issue 6. Krasnodar. 2006.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I. Meotian horsemen on the eastern border of the Bosphorus // Elite Bosphorus and Bosphor elite culture. Materials of the International Round Table. SPb. 2016.
- Limberis N.Yu., Marchenko I.I. 2016a. About some types of black-pot ceramics from the Meotian cemetery Swans III // Archaeological science: Practice, theory, history. Collection of articles in memory of I.S. Kamenetsky. M.
- Marchenko I.I., Limberis N.Yu., Bochkova V.V. New Meotian burial ground at the Khut. Prikubansky // Third Kuban Archaeological Conference. Krasnodar - Anapa. 2001.
- Monkhov C.Yu. Greek amphoras in the Black Sea. Complexes of ceramic packaging VII – II centuries. BC. Saratov. 1999.
- Monkhov C.Yu. Greek amphoras in the Black Sea. Typology of amphoras of the leading centers-exporters of goods in ceramic containers: Guide-catalog. M. Saratov. 2003.
- Monkhov S.Yu., Kuznetsova. E.V. About one series of amphorae of an unidentified Dorian center IV c. BC. // International relations in the Black Sea basin in the Scythian-antique and Khazar times. Rostov-on-Don. 2009.
- Monakhov S.Yu., Fedoseev N.F. Icos Amphoras // Bosphor Phenomenon: Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroad. SPb.2013.
- litin V.V., Anfimov I.N. Amphoracy marks from the excavations of a village near the village of Staronizhlesteblyevskaya // V «Anfimovskie readings» on the archeology of the Western Caucasus. Cultural Interactions of the Peoples of the Western Caucasus in Antiquity and the Middle Ages: Proceedings of the International Archaeological Conference. Krasnodar. 2015.
- Shevchenko N.F. The tribes of Eastern Azov at the turn of er. Rostov-on-Don. 2013.
- Shevchenko N.F. 2013a. Bosphorus and barbarians of the Eastern Azov region in the IV. BC. - I c. ne // BF. Greeks and Barbarians at the Eurasian Crossroad: Proceedings of the International Scientific Conference. SPb.

Иванов А.В. Меоты Восточного Приазовья...

Резюме

В представленной статье повествуется о меотских памятниках второй половины V–III вв. до н.э., расположенных в Восточном Приазовье. В рамках работы проводится анализ географического положения группировки, выдвигаются предположения о её генезисе, дается краткая характеристика памятников и их датировка. После того как был рассмотрен главный источник – данные археологии, их сумма в заключение вписывается в конкретно-историческую среду, позволяя наметить основные вехи истории меотского населения Восточного Приазовья.

Ключевые слова: Восточное Приазовье, меоты, поселения, клады боспорских монет, могильники.

Summary

The article presents the Meotian monuments of the second half of the Vth-IIIrd centuries BC, located in the Eastern Azov Sea area. As a part of the work, the analysis of the geographical position of the group is carried out, assumptions about its genesis are made, and a brief description of the monuments and their dating is given. After the main source the data of archeology has been considered, their sum, in conclusion, has been fitted into a specific historical environment, making it possible to outline the main milestones in the history of the Meotian population of the Eastern Azov Sea area.

Key words: the Eastern Azov Sea area, Meotians, settlements, treasures of Bosphorus coins, burial grounds.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Иванов Алексей Владимирович,
начальник археологической экспедиции,
Южный региональный центр археологических исследований,
Краснодар; сотрудник ИВИ РАН, Москва.
ivanov_arx@mail.ru,
8-918-345-70-65

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ivanov Alexey Vladimirovich,
head of the Archaeological Expedition South Regional Center for
Archaeological Research, Krasnodar; researcher, IVI RAS, Moscow.
ivanov_arx@mail.ru,
8-918-345-70-65

Рис. 1. Карта памятников Восточного Приазовья:

1 – Прикубанский могильник. 2 – могильник хут. Зеленского. 3 – Красноармейский могильник. 4 – могильник у хут. Водный. 5 – могильник Лебеди III. 6 – могильник «Целинный». 7 – поселение у ст-цы Красноармейской (современное название ст-ца Полтавская). 8 – поселение хут. Беликов. 9 – поселение в ст-це Старонижнестеблиевской. 10 – поселение в городе Славянск-на-Кубани. 11 – поселение у ст-цы Ивановской. 12 – поселение у хут. Свистельников. 13 – поселение у пос. Прикубанский. 14 – поселение Восточноханьковское 1. 15 – клад 1941 года близ ст-цы Старонижнестеблиевской. 16 – клад 1972 года у хут. Беликов. 17 – клад 1985 года в г. Славянск-на-Кубани. 18 – клад 1986 года близ ст-цы Старонижнестеблиевской. 19 – клад у пос. Кубрисострой. 20 – клад в ст-це Староджерилевской.

Рис. 2. Амфорные клейма из раскопок поселения у ст-цы Старонижнестеблиевской.

1 – Фасос, магистрат Дамаст I, фабрикант Эврианакт, 90 – сер. 80 гг. IV в. до н.э. 2 – Синопа, астином Макий I, фабрикант Посейдоний III, конец 20-х гг. IV – начало III вв. до н.э. 3 – Синопа, астином Гикесий I, фабрикант Сагария, конец 20-х гг. IV – начало III вв. до н.э. 4 – Синопа, астином Филон I, фабрикант Дионисий I, 50–40 гг. IV в. до н.э. Изображения и определения даны по В.В. Улитину и И.Н. Анфимову (Улитин, Анфимов, 2015, с. 284–286, рис. 1, 2).

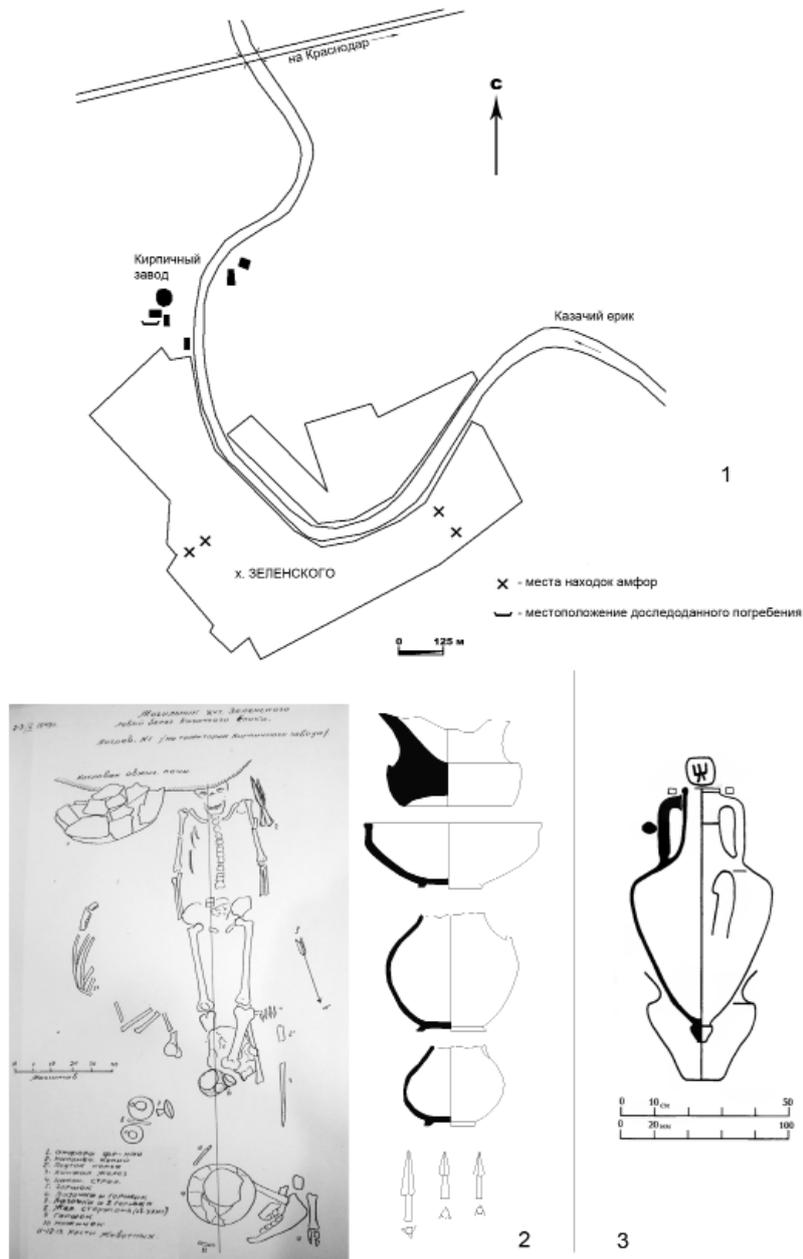

Рис. 3. Могильник хут. Зеленского:

1 – план мест находок исследованного погребения и амфор. 2 – план исследованного погребения и его инвентарь. 3 – амфора, переданная местными жителями. 1,2 – по отчету Н.В. Анфимова (Анфимов, 1951, таб. II, III, V). 3 – рисунок С.Ю. Монахова (Монахов, 2003, таб. 74, 3).

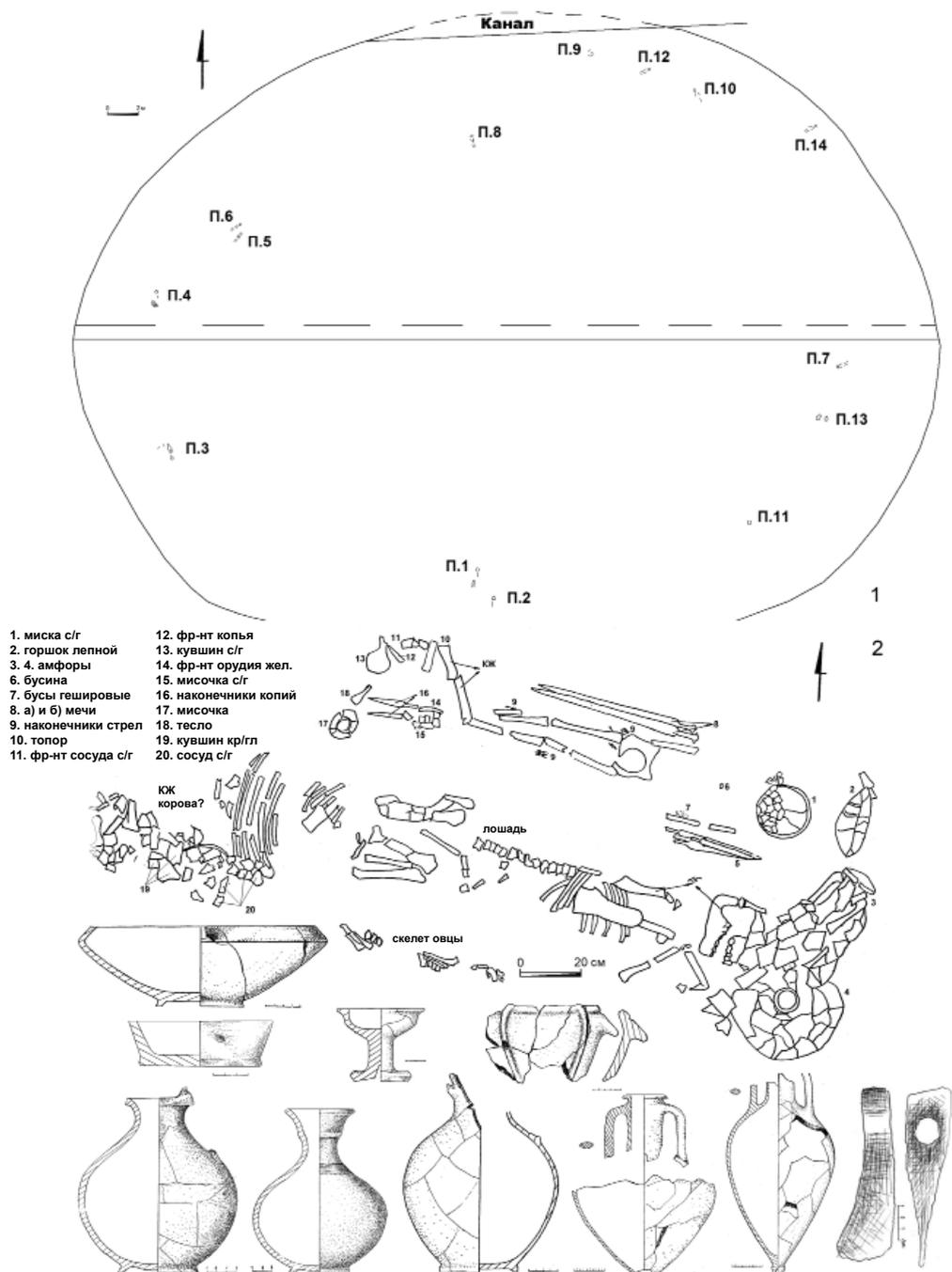

Рис. 4. Могильник у хут. Водный:

1 – общий план кургана, 2 – погребение № 1 и его инвентарь. Все по О.П. Куликовой (Куликова, 1978, рис. 17, 24-45).

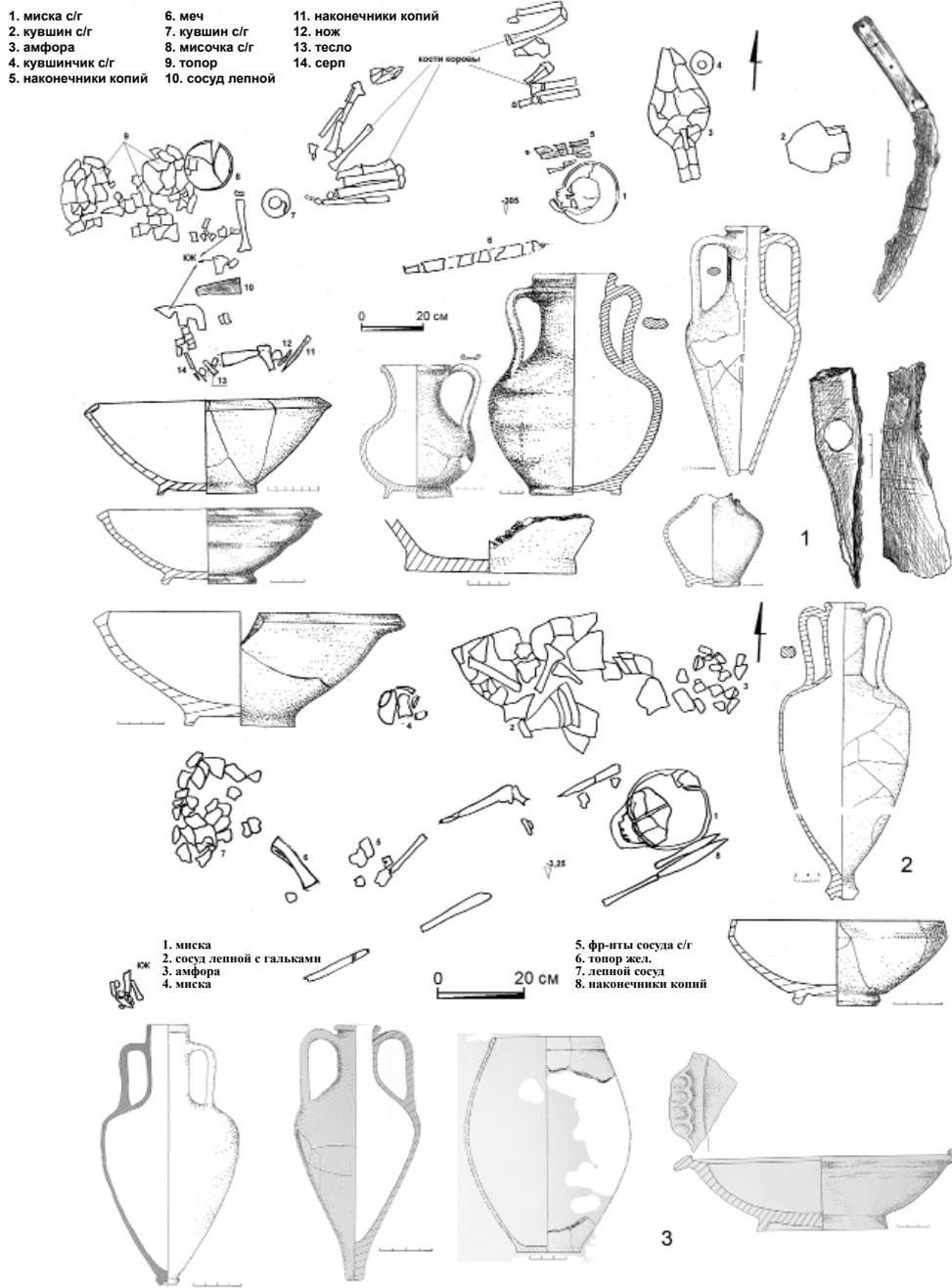

Рис. 5. Могильник у хут. Водный:

1 – погребение № 8 и его инвентарь. 2 – погребение № 10 и его инвентарь. 3 – амфоры, лепной горшок и лутерий из комплексов могильника. Все по О.П. Куликовой (Куликова, 1978, рис. 54, 86, 106–113, 121).

Рис. 6. Могильник Лебеди III. Чернотаковая посуда.
Рисунки даны по Н.Ю. Лимберис и И.И. Марченко (Лимберис, Марченко, 2016а, рис. 1-4).